
Денис Литвинцев

ЖИЛИЩНАЯ ПРЕКАРНОСТЬ: ФАКТОРЫ, ДИСКУРСЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ИЗМЕРЕНИЯ

В статье рассматривается проблема жилищной прекарности – явления, которое становится все более актуальным в условиях экономической и социальной нестабильности. В отличие от большинства российских исследований, сосредоточенных на прекарной занятости, данная работа акцентирует внимание на прекарности жилищных условий различных социальных групп. Молодые специалисты, пожилые люди, мигранты и переселенцы часто сталкиваются с временным или нестабильным жильем, что препятствует их социальной мобильности и усиливает их уязвимость. Одним из ключевых аспектов данного обзора является рассмотрение двойной прекарности – риска одновременной потери жилья и работы, что особенно актуально для групп, живущих в служебных или временных жилищах. В статье рассматриваются различные подходы к жилищной прекарности в международной практике. На примерах Европы, США и Австралии демонстрируется использование индексов, таких как индекс прекарности жилья (НПИ), модель риска прекарности жилья (НPRM), индекс прекарности окрестностей и городского жилья (PINCH), а также индекс работы по соседству и жилищной прекарности (НЕНР). Эти инструменты позволяют количественно оценить жилищную нестабильность и выделить регионы, нуждающиеся в приоритетной поддержке. Особое внимание уделяется многофакторности прекарности жилья, которая не ограничивается только характеристиками самого жилья, но также включает влияние природно-климатических, экономических, политических и социальных факторов. Автор подчеркивает важность разработки аналогичного индекса для России, который учитывал бы национальную специфику и существующие данные. Это позволило бы значительно укрепить доказательную базу социальной политики, направленной на улучшение

Денис Борисович Литвинцев – к.социол.н., доцент, кафедра менеджмента, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0358-3681>. Электронная почта: denlitv@inbox.ru

жилищных условий и борьбу с бездомностью. В статье акцентируется внимание на необходимости глубокого анализа институциональных факторов, влияющих на жилищную нестабильность, и демонстрируется, как государственные программы и рынок могут способствовать формированию так называемой «домашней культуры прекарности», проявляющейся в таких формах, как коливинги.

Ключевые слова: жилищная социология, жилищная политика, прекарность места, прекарность жилья, жилищная прекарность

Цитирование: Литвинцев Д. (2024) Жилищная прекарность: факторы, дискурсы и зарубежный опыт измерения. *Журнал исследований социальной политики*, 22 (3): 553–566.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566

Исследования прекариата как нестабильного, незащищенного социального слоя, характерного для современного общества риска (по П. Бурдьё и У. Беку), становятся все более популярными, в том числе среди российских ученых. Однако концентрируясь в основном на проблемах занятости и институционализации прекарности на рынке труда в условиях трансформации капитализма (Савельева 2015), упускается из виду, что прекарность – это многомерный феномен. Она проявляется не только в трудовой сфере, но и в социально-культурных, финансово-экономических и жилищных аспектах (Han et al. 2023). Последний связан с проблемой жилищной прекарности, которая активно обсуждается в международном научном сообществе.

С недавнего времени наблюдается, с одной стороны, сокращение доли домовладельцев в ряде развитых стран, с другой, – рост недоступного и небезопасного частного арендного жилья (Waldron 2023). Это относится и к российским реалиям: ранее декларируемая цель по формированию ответственных собственников жилья, смещается к развитию рынка аренды и соответствующих институтов (Литвинцев 2022). В таких условиях жилищная прекарность усиливает тревожность, касающуюся не только собственных жизненных обстоятельств, но и взаимоотношений с сожителями и соседями, а также того, как условия проживания могут влиять на окружающих (Owens, Green 2020).

Хотя в данной статье понятия «дом» и «жилище» не различаются с социологической точки зрения, жилищная прекарность может означать неустойчивость проживания не только в собственном доме, но и в сообществе – дворе, соседском, городском (Bates и др. 2019) Таким образом границы жилищной прекарности могут расширяться до границ пространства, где человек ощущает себя «как дома» (Литвинцев 2023). В изучении городской прекарности также применяются социально-пространственные подходы, исследующие не районы, а пространства с пересекающимися потоками услуг, сетей, мобильностей и социальной активности (Jaatsi, Kymäläinen 2023).

Жилищная precariousность, проблема занятости и миграция

Современное понимание precariousности недостаточно для описания конкретных жизненных, в том числе жилищных проблем. На основе исследования бирманских мигрантов в Таиланде, предлагается альтернативная концепция «precariousности места», которая фокусируется не на precariousной занятости, а на проблемах физического проживания (Banki 2013). Такой подход лежит в основе исследований жилищной precariousности, где жилище рассматривается прежде всего как материально-технологическая среда, а уже потом – как культурно-символическое пространство.

Несмотря на возможность исследования жилищной precariousности отдельно от вопросов занятости, их взаимосвязь очевидна и усиливается в условиях структурных изменений на рынке труда и роста гибкой занятости. Precariousная занятость ограничивает возможности решения жилищных вопросов, особенно среди молодежи. Например, в Ирландии молодые специалисты, относящиеся к среднему классу, часто не могут позволить себе покупку жилья и сталкиваются с трудностями на рынке аренды. Надеясь на альтернативные стратегии, такие как длительное совместное проживание с друзьями, они в итоге оказываются неспособны улучшить свои жилищные условия, и их жилищная мобильность принимает нисходящий характер (Vobek et al. 2021).

На примере кризиса градообразующих промышленных предприятий в городах Западной Сибири показано, как бывшие работники заводов, оказавшись в условиях неопределенности и незащищенности, пополняют ряды precariousариата, называемого «новым опасным классом» (в терминах Г. Стендинга). Закрытие предприятий, которые ранее обеспечивали своих работников и их семьи жильем, привело к жилищной precariousизации (Ечевская 2015). Эти процессы затронули не только Бердск, упоминаемый в исследовании, но и многие другие промышленные города России.

Двойной precariousностью называют риск одновременной потери работы и жилья. В условиях, когда жилищная precariousность становится серьезной проблемой для работающего бедного населения, возникает вопрос, как работники, обслуживающие дом и проживающие в нем бесплатно, справляются с риском одновременного увольнения и выселения. В этом контексте нестандартная занятость тесно связана с жилищной precariousностью и требует исследования в рамках как жилищной, так и изменяющейся городской политики (Baurgil 2022).

Жилищная precariousность в значительной мере институционализована и поддерживается государственными структурами, что подтверждают исследования условий проживания мигрантов в Италии. Однако она также обусловлена внутренними факторами, такими как недостатки государственной системы жилищного строительства, маргинализация рынка аренды и распространение нелегальной аренды. На основе этих представлений

исследователи выделяют четыре ключевых аспекта жилищной прекарности (Dotsey, Chiodelli 2021): институциональные, в том числе политические структуры играют центральную роль в создании жилищной прекарности; жилищная прекарность возникает на пересечении индивидуальных характеристик и структурных факторов на местном, региональном или национальном уровне; проблемы в сфере жилищного строительства и коммунальных услуг являются неотъемлемыми источниками риска и неопределенности; жилищная прекарность может стать основой для коллективной политической активности, особенно среди разрозненных социальных групп.

Жилищная прекарность среди латиноамериканских мигрантов на протяжении десятилетий остается острой проблемой в США. Жизнь в домах на колесах, в трейлерных парках, в бараках на фермах и в других некачественных жилищах повлияла на несколько поколений. Хотя такие типы жилья изначально могли восприниматься как временные, они постепенно стали устойчивыми формами проживания, которые часто не учитываются в ходе общественных обсуждений жилищных проблем. Трудности с доступом к адекватному и доступному жилью связаны с миграционным статусом и ограниченными ресурсами, что приводит к сужению жилищных стратегий и ухудшению условий проживания в небезопасной и вредной для здоровья среде (Barrera 2023).

Обследования мигрантов из Африки, включая беженцев, просителей убежища и нелегальных мигрантов, перебравшихся в Италию, показывают, что их правовой статус играет важную роль в доступе к качественному и стабильному жилью. Однако прямой связи между правовым статусом и доступом к жилью не было выявлено. Все группы мигрантов сталкивались с различными проблемами, что приводило к длительной жилищной прекарности и возникновению множества стратегий выживания (Dotsey, Ambrosini 2023).

Российские исследователи отмечают, что трудовые мигранты, в частности работающие в Греции, Франции и России, часто сталкиваются с жилищной прекарностью из-за социально-незащищенного статуса и временной занятости, что вынуждает их жить в съемном жилье неопределенный срок (Лисицын, Степанов 2018). Это также характерно для мигрантов из стран бывшего СССР. Например, большинство мигрантов из Азербайджана снимают жилье в России в большей степени, чем другие мигранты из Армении, Украины, Таджикистана, Узбекистана и Киргизии обеспечены как арендуемым, так и собственным жильем (Эндрюшко 2020).

Жилищная прекарность в других дискурсах

Исследователи из США, Канады и Австралии вводят природно-климатический дискурс в изучение жилищной прекарности. Они отмечают, что люди, у которых нет постоянного жилья, а также те, кто находится в более бедственном социально-экономическом положении, подвергаются

большему риску остаться бездомными. Этот риск усугубляется двумя факторами: отсутствием доступа к надежным источникам энергии и воздействием стихийных бедствий (например, наводнений, ураганов), которые становятся более частыми и интенсивными из-за изменения климата. Таким образом, изменение климата и экономическая нестабильность увеличивают угрозу бездомности для этих групп населения. Бездомные находятся в более уязвимом положении по сравнению с другими людьми и потому, что у них нет безопасного, защищенного места для проживания. Это сильнее сказывается на их физическом здоровье (например, они могут подвергаться переохлаждению, обезвоживанию или заболеваниям) и психологическом состоянии (например, они могут испытывать повышенный стресс, тревожность или депрессию) (Bezgrebelna et al. 2021).

Исследователи социальной политики в Греции также рассматривают взаимосвязь между жилищной прекарностью и здоровьем населения, но с другой позиции. Они отмечают, что в период пандемии COVID-19 с жилищной прекарностью столкнулись не только маргинальные группы, но и многие домовладельцы. Возложенная на людей ответственность за предотвращение распространения инфекции, когда было необходимо оставаться дома, противоречила условиям недоступности, социального исключения и нестабильности в жилищном секторе (Sakali, Karyotis 2022).

Гендерный дискурс, предложенный исследователями жилищной прекарности в Турции, акцентирует внимание на опыте женщин в восстановлении жилья после стихийных бедствий, таких как землетрясения, чтобы подчеркнуть различия в их уязвимостях. В условиях патриархальной системы физическое расположение и конфигурация нового жилья, а также семейный статус создают специфические проблемы для перемещенных женщин, усиливают их уязвимость даже спустя годы после переселения (Şeremet et al. 2023).

Семейный дискурс также возможен в анализе жилищной прекарности. Исследование во Франции показало, что отсутствие семейной поддержки может привести к жилищной прекарности, что, в свою очередь, способствует дальнейшей изоляции человека. Это связано с тем, что для получения социального жилья требуется интеграция в сеть межличностных (семья, друзья, соотечественники) и институциональных отношений. Наличие поддержки со стороны близких людей, а также взаимодействие с социальными работниками может увеличить шансы человека получить жилье. Таким образом, жилищная прекарность является результатом не только бедности, но и утраты защиты, обеспечиваемой семейными и социальными связями, а также институтами (Dietrich-Ragon 2015).

Дискурс эйджизма позволил новозеландским исследователям показать, что пожилые арендаторы сталкиваются со множеством проблем, которые влияют на их благополучие в процессе старения. Исследование выявило, что старение в арендуемом жилье может быть сложным из-за аспектов

жилищной прекарности, связанных с состоянием здоровья, финансовыми и личными обстоятельствами. Территориальная доступность услуг, включая здравоохранение, давление на инфраструктуру из-за туризма и социальные изменения могут усилить жилищную нестабильность, что негативно сказывается на благополучии пожилых людей и их возможность спокойно стареть в выбранном месте проживания (Bates et al. 2019).

В анализе жилищной прекарности в Испании исследователи обращаются к финансово-экономическому дискурсу. В ответ на финансовый кризис, переросший в жилищный, правительство сосредоточилось на спасении финансовой системы и внедрило меры жесткой экономии, что привело к резкому росту жилищной нестабильности. По мнению Габриэле Д'Адда, подход, основанный на правах человека, должен сместить приоритеты с интересов рынков и экономического роста на удовлетворение нужд тех, кто пострадал от жилищной прекарности (D'Adda 2021). Аналогично, исследователи ирландской жилищной системы отмечают, что жилищная прекарность, созданная поставщиками жилья, является следствием ошибочных политических решений, при которых государство отказалось от своих обязательств по предоставлению социального жилья и вмешательству в рынок (Finnerty, O'Connell 2017).

Обращаясь к социально-культурному дискурсу, исследователи из США подчеркивают, что новые практики ведения домашнего хозяйства и представления о доме формируют «домашнюю культуру прекарности». Это выражается в популярности коливингов – нового типа совместного жилья, особенно среди цифровых кочевников, которые относятся к креативному классу (по Р. Флорида). Коливинг как гибридное пространство для жизни и работы меняет традиционные представления о доме и бросает вызов устоявшимся нормам (Bergan et al. 2021).

Государственно-политический дискурс в исследованиях жилищной прекарности акцентирует внимание на том, что для многих жителей Европы и Северной Америки угроза выселения стала частью обычной жизни. Это вызывает вопросы к антропологическим теориям, которые рассматривают «присутствие» государства в домах, особенно в контексте государственного жилья и массового перемещения. Исследователи отмечают, что среди источников жилищной прекарности – государственная политика и капиталистические трансформации, а законное принуждение к перемещению влияет на восприятие жильцов о том, что значит «хороший дом» (Davey 2020).

Измерение жилищной прекарности

Исследователи из Великобритании и Италии отмечают, что в отличие от трудовой прекарности, анализ жилищных проблем часто лишен инструментария для сравнительной оценки. Они предлагают четыре измерения жилищной прекарности: безопасность, доступность, качество

и доступ к услугам. Исследование, охватившее 31 страну, показало, что более половины европейцев (как собственников, так и арендаторов) испытывают жилищную нестабильность как минимум по одному из этих показателей, причем в восточноевропейских и малых островных государствах уровень прекарности выше. В группе риска – молодежь, безработные, одинокие и арендаторы (Clair et al. 2019).

Ричард Уолдрон, используя данные из «Обследования доходов и условий жизни Европейского союза», предложил индекс прекарности жилья (*Housing Precarity Index, HPI*), который включает такие переменные, как расходы на жилье, безопасность, качество жилья и финансовые возможности семьи. Согласно результатам анализа, почти четверть миллиона домохозяйств в Ирландии, арендующих жилье, сталкиваются с различными уровнями жилищной прекарности (Waldron 2023).

Модель риска прекарности жилья (*Housing Precarity Risk Model, HPRM*) разработана в 2021 г. группой исследователей из США. Она оценивает следующие показатели: риск выселения отдельных домохозяйств (например, за долги), уязвимость к перемещению целых групп людей или сообществ (например, в результате джентрификации), уровень безработицы и его изменение к предыдущему году, а также сегрегацию (высокий уровень сосредоточенности расовых групп на отдельных территориях). Цель модели – выявить наиболее уязвимые районы, которые требуют приоритетной помощи от местных, государственных и федеральных органов. Согласно модели, самым высоким уровнем жилищной прекарности характеризуются районы Лас-Вегас-Хендерсон-Парадайз (Невада), Новый Орлеан-Метейри (Луизиана) и Детройт-Уоррен-Дирборн (Мичиган) (Urban Displacement Project 2021).

В Австралии используется индекс прекарности окрестностей и городского жилья (*Precarity Index for Neighborhoods and City Housing, PINCH*), разработанный на основе трех ключевых показателей: профили доходов населения, стоимость аренды и покупки жилья в зависимости от типа рынка, а также доступность жилья для разных социальных групп. Анализ *PINCH* выделяет восемь категорий: низкий доход/предрасположенность к перемещению, продолжающееся перемещение домохозяйств с низкими доходами, угроза джентрификации, ранняя стадия джентрификации, стабильный умеренный/смешанный доход, риск социальной эксклюзии (из-за роста цен на жилье), процесс эксклюзии (исключение домохозяйств с низкими доходами) и стабильная/продвинутая эксклюзия (преобладание домохозяйств с высокими доходами) (Australian Urban Observatory 2023).

Кроме того, в 2021 г. в Австралии исследовательская группа разработала еще один показатель – индекс работы по соседству и жилищной прекарности (*Neighborhood Employment and Housing Precarity, NEHP*). Этот индекс, основанный на данных переписи населения, представляет собой масштабируемый инструмент, который предлагает альтернативный подход к разработке

политики, направленной на повышение готовности к инфекционным заболеваниям и реагирование на их вспышки с учетом местных особенностей. Индекс включает такие показатели, как возможность работы из дома, близость к другим людям на рабочем месте, доступ к чрезвычайным фондам и нестабильность жилищных условий (Mansour et al. 2021).

Заключение

Жилищная прекарность тесно связана с нестабильной занятостью, характерной для нового социального класса, а также с последствиями миграций. Со временем жизнь в нестабильных жилищных условиях становится привычной, что препятствует восходящей жилищной мобильности. Риск одновременной потери работы и жилья, как это было в постсоветской России, представляет собой пример двойной прекарности, особенно характерной для служебного жилья. Кроме того, жилищная прекарность обусловлена не только характеристиками самого жилья (качеством строительства, годом постройки, инженерными коммуникациями и благоустройством), но и институциональной средой, а также проблемами в жилищной сфере, что может послужить основой для коллективной политической деятельности различных социальных групп.

Как показывает данный обзор, жилищная прекарность не всегда напрямую связана с проблемами занятости. Природно-климатические условия, такие как риски стихийных бедствий усиливают жилищную прекарность. Важную роль играет и отсутствие семейной поддержки – в России, например, действуют программы для улучшения жилищных условий молодых семей. Кроме того, факторами прекарности могут быть пол и возраст: женщины, молодые специалисты и пожилые люди часто оказываются в уязвимом положении. Экономические кризисы и рыночные отношения также способствуют возникновению жилищной прекарности, формируя «домашнюю культуру прекарности», проявляющуюся, например, в коливингах. Наконец, государственная политика, закрепляющая возможность выселения и перемещения, а также капиталистическая трансформация общества служат дополнительными источниками жилищной прекарности.

Хотя в России пока нет разработанной методики оценки жилищной прекарности, в других странах уже применяются различные индексы, такие как индекс прекарности жилья в Ирландии, модель риска прекарности жилья в США, а также индекс прекарности окрестностей и городского жилья, индекс работы по соседству и жилищной прекарности в Австралии. Зарубежный опыт многофакторной оценки жилищной прекарности может послужить основой для создания российского индекса, который учтет национальные особенности и существующие индикаторы доступности жилья. В конечном итоге исследование жилищной прекарности должно способствовать совершенствованию социальной и жилищной

политик, укреплению их доказательной базы, борьбе с бездомностью, снижению нестабильности жилищных условий и повышению качества жизни различных категорий населения.

Выражение признательности

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Список источников

Ечевская О. Г. (2015) Жизненные истории и жизненные возможности: исследование социальных неравенств в оптике нарративной идентичности. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (2): 195–210.

Лисицын П. П., Степанов А. М. (2018) Формы взаимодействия низкоквалифицированных трудовых мигрантов и работодателей в принимающих обществах (на примере Греции, России и Франции). *Журнал исследований социальной политики*, 16 (4): 611–626.

Литвинцев Д. Б. (2022) *Жилищная социология. Институт общего собрания собственников многоквартирного дома*. Новосибирск: НГТУ.

Литвинцев Д. Б. (2023) Домашний vs Институциональный. Размышления над книгой L. Series 'Deprivation of Liberty in the Shadows of Institutions.' *Социологический журнал*, 29 (2): 183–191.

Савельева Н. В. (2015) Сетевой маркетинг: прекарный труд и организации-паразиты. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (1): 65–80.

Эндрюшко А. А. (2020) Доступ мигрантов к социальным услугам в России на примере граждан Азербайджана. *Журнал исследований социальной политики*, 18 (4): 689–704.

Australian Urban Observatory (2023) *Specialist Housing Indicators*. Available at: <https://auo.org.au/portal/metadata/housing/> (accessed 9 October 2023).

Banki S. (2013) Precarity of Place: A Complement to the Growing Precariat Literature. *Global Discourse*, 3 (3–4): 450–463.

Barrera S. L. (2023) The Architectural Typologies of Latinx Housing Precarity. *111th ACSA Annual Meeting Proceedings: In Commons*, St. Louis, March 30th – April 1st: 473–479.

Bates L., Wiles J., Kearns R., Coleman T. (2019) Precariously Placed: Home, Housing and Wellbeing for Older Renters. *Health & Place*, (58): 102152.

Bayurgil L. (2022) Fired and Evicted: Istanbul Doorkeepers' Strategies of Navigating Employment and Housing Precarity. *Social Problems*, 69 (4): 1092–1108.

Bergan T. L., Gorman-Murray A., Power E. R. (2021) Coliving Housing: Home Cultures of Precarity for the New Creative Class. *Social & Cultural Geography*, 22 (9): 1204–1222.

Bezgrebelna M., McKenzie K., Wells S., Ravindran A., Kral M., Christensen J., Stergiopoulos V., Gaetz S., Kidd S. A. (2021) Climate Change, Weather, Housing Precarity, and Homelessness: A Systematic Review of Reviews. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (11): 5812.

- Bobek A., Pembroke S., Wickham J. (2021) Living in Precarious Housing: Non-Standard Employment and Housing Careers of Young Professionals in Ireland. *Housing Studies*, 36 (9): 1364–1387.
- Clair A., Reeves A., McKee M., Stuckler D. (2019) Constructing a Housing Precariousness Measure for Europe. *Journal of European Social Policy*, 29 (1): 13–28.
- D'Adda G. (2021) Urban Mobilizations and Municipal Policies to Un-Make Housing Precarity. *City*, 25 (5–6): 740–763.
- Davey R. (2020) Snakes and Ladders: Legal Coercion, Housing Precarity, and Home-Making Aspirations in Southern England. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 26 (1): 12–29.
- Dietrich-Ragon P. (2015) Relational Networks of Persons in a Situation of Housing Insecurity in France: Homelessness and Strength or Weakness of Social Ties. *Revue Française De Sociologie*, 56 (2): 301–330.
- Dotsey S., Ambrosini M. (2023) Migration, (il)Legal Status and Housing Precarity: Difficulties and Coping Strategies. *Journal of Urban Affairs*, DOI: 10.1080/07352166.2023.2224021.
- Dotsey S., Chiodelli F. (2021) Housing Precarity. *City*, 25 (5–6): 720–739.
- Finnerty J., O'Connell C. (2017) Changing Precarities in the Irish Housing System: Supplier-Generated Changes in Security of Tenure for Domiciled Households. *Global Discourse*, 7 (4): 473–488.
- Han S. H., Kim J., Park N. (2023) Generation Rent on the Housing Treadmill: A Study on South Korea's Housing Allowance Programmes and Recurring Precarity. *Social Policy & Administration*, 57 (3): 382–398.
- Jaatsi M., Kymäläinen P. (2023) Navigating Precarity in Everyday (sub)urban Space in Helsinki, Finland. *City & Society*, 35 (2): 77–88.
- Mansour A., Martino E., Bentley R. (2021) *Neighbourhood Employment and Housing Precarity (NEHP) Index*. Available at: <https://www.healthyhousing-cre.org/nehp-index> (accessed 9 October 2023).
- Owens K., Green Ch. (2020) Performing Millennial Housing Precarity: How (Not) to Live Together. *Studies in Theatre and Performance*, 40 (1): 44–53.
- Sakali C., Karyotis T. (2022) Can't #StayAtHome without a Home: Politics of Housing Precarity in Greece in the Time of Pandemic. In: C. Petropoulou, J. Holloway, F. Matamoros Ponce, E. González Cruz, P. Doulos, M. A. Melgarejo Pérez, D. Tzanetatos, K. Zafeiris, C. Tsavdaroglou (eds.) *Luchas Invisibles En Tiempos De Pandemia, Vol. II*. Mytilene-Puebla: University of the Aegean, Greece; Universidad Autónoma De Puebla, Mexico.
- Şeremet M., Phua V. Ch., Cihangir E., Bayram-Öz E., Okudum R., Alaeddinoğlu F. (2023) Precarity and Patriarchal Bargain: Women's Experiences in Post-Disaster Recovery Housing after the 2011 Van earthquake. *Gender, Place & Culture*. DOI: 10.1080/0966369X.2023.2229063.
- Urban Displacement Project (2021) *Housing Precarity Risk Model*. Available at: <https://www.urbandisplacement.org/maps/housing-precarity-risk-model/> (accessed 9 October 2023).
- Waldron R. (2023) Generation Rent and Housing Precarity in 'Post Crisis' Ireland. *Housing Studies*, 38 (2): 181–205.

Denis Litvintsev

HOUSING PRECARIETY: FACTORS, DISCOURSES AND FOREIGN MEASUREMENT EXPERIENCES

This paper addresses the issue of housing precarity – a phenomenon that is becoming increasingly relevant in the context of economic and social instability. Unlike most Russian studies, which focus on precarious employment, this article highlights the precarity of housing conditions among various social groups. Young professionals, the elderly, migrants, and displaced persons often face temporary or unstable housing, which hampers their social mobility and exacerbates their vulnerability. A key aspect of this review is the exploration of dual precarity – the risk of losing both housing and employment at the same time – which is particularly relevant for groups living in service or temporary accommodation. The paper also examines different approaches to housing precarity in international practice. Examples from Europe, the USA, and Australia demonstrate the use of indices such as the Housing Precarity Index (HPI), the Housing Precarity Risk Model (HPRM), the Precarity Index for Neighborhoods and City Housing (PINCH), and the Neighborhood Employment and Housing Precarity Index (NEHP). These tools allow a quantitative assessment of housing precariousness and the identification of priority areas for support. The paper emphasizes the multifactorial nature of housing precarity, which encompasses not only the characteristics of the housing itself, but also the impact of environmental, economic, political, and social factors. The author highlights the importance of developing a similar index for Russia, tailored to national specificities and existing data. This would significantly strengthen the evidence base for social policies aimed at improving housing conditions and combating homelessness. The paper highlights the need for a thorough analysis of the institutional factors influencing housing instability and demonstrates how government programs and the market can contribute to the formation of a so-called 'housing culture of precarity,' which manifests itself in forms such as co-housing. Research on housing precarity is crucial for improving the evidence base for social policies aimed at improving housing conditions for different population groups.

Keywords: housing sociology, housing policy, precarity of place, precariousness of housing, housing precarity

Citation: Litvintsev D. (2024) Zhilishchnaya prekarnost': faktory, diskursy i zarubezhnyy opyt izmereniya [Housing Precarity: Factors, Discourses and Foreign Measurement Experiences] *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (3): 553–566.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-3-553-566

References

- Australian Urban Observatory (2023) *Specialist Housing Indicators*. Available at: <https://auo.org.au/portal/metadata/housing/> (accessed 9 October 2023).
- Banki S. (2013) Precarity of Place: A Complement to the Growing Precariat Literature. *Global Discourse*, 3 (3–4): 450–463.
- Barrera S. L. (2023) The Architectural Typologies of Latinx Housing Precarity. *111th ACSA Annual Meeting Proceedings: In Commons*, St. Louis, March 30th – April 1st: 473–479.
- Bates L., Wiles J., Kearns R., Coleman T. (2019) Precariously Placed: Home, Housing and Wellbeing for Older Renters. *Health & Place*, (58): 102152.
- Bayurgil L. (2022) Fired and Evicted: Istanbul Doorkeepers' Strategies of Navigating Employment and Housing Precarity. *Social Problems*, 69 (4): 1092–1108.
- Bergan T. L., Gorman-Murray A., Power E. R. (2021) Coliving Housing: Home Cultures of Precarity for the New Creative Class. *Social & Cultural Geography*, 22 (9): 1204–1222.
- Bezgrebelna M., McKenzie K., Wells S., Ravindran A., Kral M., Christensen J., Stergiopoulos V., Gaetz S., Kidd S. A. (2021) Climate Change, Weather, Housing Precarity, and Homelessness: A Systematic Review of Reviews. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18 (11): 5812.
- Bobek A., Pembroke S., Wickham J. (2021) Living in Precarious Housing: Non-Standard Employment and Housing Careers of Young Professionals in Ireland. *Housing Studies*, 36 (9): 1364–1387.
- Clair A., Reeves A., McKee M., Stuckler D. (2019) Constructing a Housing Precariousness Measure for Europe. *Journal of European Social Policy*, 29 (1): 13–28.
- D'Adda G. (2021) Urban Mobilizations and Municipal Policies to Un-Make Housing Precarity. *City*, 25 (5–6): 740–763.
- Davey R. (2020) Snakes and Ladders: Legal Coercion, Housing Precarity, and Home-Making Aspirations in Southern England. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 26 (1): 12–29.
- Dietrich-Ragon P. (2015) Relational Networks of Persons in a Situation of Housing Insecurity in France: Homelessness and Strength or Weakness of Social Ties. *Revue Française De Sociologie*, 56 (2): 301–330.
- Dotsey S., Ambrosini M. (2023) Migration, (il)Legal Status and Housing Precarity: Difficulties and Coping Strategies. *Journal of Urban Affairs*, DOI: 10.1080/07352166.2023.2224021.
- Dotsey S., Chiodelli F. (2021) Housing Precarity. *City*, 25 (5–6): 720–739.
- Echevskaia O. (2015) Zhiznennye istorii i zhiznennye vozmozhnosti: issledovanie sotsial'nykh neravenstv v optike narrativnoy identichnosti [Life Stories and Life Chances: Social Inequalities in the Workers' Narrative Identities]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (2): 195–210.

Endryushko A. (2020) Dostup migrantov k sotsial'nym uslugam v Rossii na primere grazhdan Azerbaydzhana [Migrant Access to Social Services in Russia: The Case of Azerbaijanis]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 18 (4): 689–704.

Finnerty J., O'Connell C. (2017) Changing Precarities in the Irish Housing System: Supplier-Generated Changes in Security of Tenure for Domiciled Households. *Global Discourse*, 7 (4): 473–488.

Han S. H., Kim J., Park N. (2023) Generation Rent on the Housing Treadmill: A Study on South Korea's Housing Allowance Programmes and Recurring Precarity. *Social Policy & Administration*, 57 (3): 382–398.

Jaatsi M., Kymäläinen P. (2023) Navigating Precarity in Everyday (sub)urban Space in Helsinki, Finland. *City & Society*, 35 (2): 77–88.

Lisitsyn P. P., Stepanov A. M. (2018) Formy vzaimodeystviya nizkokvalifitsirovannykh trudovykh migrantov i rabotodateley v prinimayushchikh obshchestvakh (na primere Gretsii, Rossii i Frantsii) [Ordinary Forms of Interaction between Unskilled Labour Migrants and Employers in Receiving Societies (The Case of Russian, Greek, and French Cities)]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 16 (4): 611–626.

Litvintsev D. B. (2022) *Zhilishchnaya sotsiologiya. Institut obshchego sobraniya sobstvennikov mnogokvartirnogo doma* [Housing Sociology. Institute of The General Meeting of Owners of an Apartment Building]. Novosibirsk: NSTU Publishing.

Litvintsev D. B. (2023) Domashniy vs Institutsional'nyy. Razmyshleniya nad knigoy L. Series 'Deprivation of Liberty in the Shadows of Institutions' [Household vs Institutional. Reflecting on the Book 'Deprivation of Liberty in the Shadows of Institutions' by L. Series]. *Sotsiologicheskii Zhurnal* [Sociological Journal], 29 (2): 183–191.

Mansour A., Martino E., Bentley R. (2021) *Neighbourhood Employment and Housing Precarity (NEHP) Index*. Available at: <https://www.healthyhousing-cre.org/nehp-index> (accessed 9 October 2023).

Owens K., Green Ch. (2020) Performing Millennial Housing Precarity: How (Not) to Live Together. *Studies in Theatre and Performance*, 40 (1): 44–53.

Sakali C., Karyotis T. (2022) Can't #StayAtHome without a Home: Politics of Housing Precarity in Greece in the Time of Pandemic. In: C. Petropoulou, J. Holloway, F. Mataros Ponce, E. González Cruz, P. Doulos, M. A. Melgarejo Pérez, D. Tzanetatos, K. Zafeiris, C. Tsavdaroglou (eds.) *Luchas Invisibles En Tiempos De Pandemia, Vol. II*. Mytilene-Puebla: University of the Aegean, Greece; Universidad Autónoma De Puebla, Mexico.

Savelyeva N. V. (2015) Setevoy marketing: prekarnyy trud i organizatsii-parazity [Network Marketing: Precarious Labour and Parasite Organisations]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (1): 65–80.

Şeremet M., Phua V. Ch., Cihangir E., Bayram-Öz E., Okudum R., Alaeddinoğlu F. (2023) Precarity and Patriarchal Bargain: Women's Experiences in Post-Disaster Recovery Housing after the 2011 Van earthquake. *Gender, Place & Culture*. DOI:10.1080/0966369X.2023.2229063.

Urban Displacement Project (2021) *Housing Precarity Risk Model*. Available at: <https://www.urbandisplacement.org/maps/housing-precarity-risk-model/> (accessed 9 October 2023).

Waldron R. (2023) Generation Rent and Housing Precarity in 'Post Crisis' Ireland. *Housing Studies*, 38 (2): 181–205.